

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА В ОТРАЖЕНИИ АВТОРСКОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»)

Ковальская М.П.
Витебск, Витебский филиал Международного
университета «МИТСО»

Перевод национально маркированных реалий не является новой проблемой для современной транслятологии. Более того, в теории и практике переводоведения накоплен достаточно большой опыт описания такого рода лексики и способов ее передачи на иностранный язык. Однако введение в научный оборот нового материала позволяет обнаруживать и новые подходы к отражению культурных и языковых реалий в переводных текстах. Этот факт, полагаем, актуализирует исследовательский интерес к указанному направлению современной теории перевода. Кроме того, как показывает предпринятое нами осмысление феномена переводческой трансформации культурных лакун, особый интерес вызывает изучение текстов авторского перевода – переводы билингвов.

Цель работы – представить особенности передачи культурных лакун в англоязычном авторском переводе романа В.В. Набокова «Защита Лужина».

Материал и методы. Исходя из поставленной цели, практический материал исследования включал два варианта (русско- и англоязычный) романа В.В. Набокова «Защита Лужина»). Методами работы с избранными текстами составили метод сплошной выборки примеров переводческих трансформаций, сравнительно-сопоставительный метод, транслятологический анализ.

Результаты и их обсуждение. Для грамотной передачи культурных лакун в художественном тексте принято чаще всего заменять их реалиями переводной лингвокультурологической общности. «Стирающая» таким образом национальные границы авторской принадлежности текста. Однако такой подход, очевидно, не может быть эксплицирован по отношению к билингвальной языковой личности – автора оригинального и переводного текстов. Более того, наше исследование показывает, что В.В. Набоков активно апеллирует в переводе к русскоязычной лингвокультуре, акцентирует внимание читателя на этот феномен. Приведем несколько примеров. Так, предложение *Большеглазый белолобый человек со всклокоченными волосами, больной – говорили – чахоткой* в англоязычной версии звучит, как *A large-eyed man with a very white forehead and tousled hair, suffering – they said – from tuberculosis*. Чахотка – от слова «чахнуть», устаревшее название инфекционного заболевания, туберкулеза легких. Имеет эквивалент в английском языке ‘consumption’, однако данный перевод не является верным, исходя из

контекста, т.к. само понятие ‘consumption’ переводится на русский язык еще как «расход/потребление/истощение» и также «чахотка», поэтому переводчик использовал иное слово с тем же смыслом, какой сопровождает русскую версию. Такой подход обнаруживается и в иных примерах: *He распистоньте этот столик. – Don't upset that table.* Понятие «распистонить» является синонимом значений «подвергнуть разносу, изругать» и несет в себе достаточно резкий и пренебрежительный оттенок, и полноценного эквивалента в английском языке нет, поэтому переводчик обошелся ординарным ‘upset’ («расстраивать, опрокидывать, выводить из равновесия»).

Достаточно интересным представляются примеры использования транскрипции как приема переводческой трансформации при передаче на другой язык культурных реалий: *Баба в кумачовом платке до бровей ела яблоко, и ее черная тень на заборе ела яблоко побольше. «Баба», — вкусно сказал Лужин и рассмеялся. – A village girl in a red kerchief coming down to her eyebrows was eating an apple, and her black shadow on a fence was eating a slightly larger apple. ‘A Russian baba,’ said Luzhin with relish and laughed.* В первом случае переводчик как бы дает понять, о ком идет речь, используя обычный перевод, во втором же случае то же слово «баба» приобрело в контексте яркий эмоциональный окрас, который, соответственно, трансформировался в английской версии способом транскрипции, из-за чего реалия не утратила задуманной экспрессивности. К тому же стоит обратить внимание на другое словосочетание – «кумачовый платок». Кумач – хлопчатобумажная ткань ярко-красного цвета, следовательно, кумачовый – ярко-красный цвет, но выражения, описывающего в английском языке русский вариант, нет, поэтому переводчик использовал доступное для понимания иностранного читателя прилагательное ‘red’. Более традиционным является использование транскрипции при переводе блюд, домашней утвари: *Заставляла воображаемого Лужина <...> есть домашнюю кулебяку, отражаться в роскошном, купленном за границей самоваре. – She made an imaginary Luzhin <...> eat home-cooked kulebiaka and be reflected in the sumptuous samovar.* Кулебяка – непосредственно русское понятие, обозначающее традиционное русское блюдо, соответственно, аналога в иностранном языке не имеет, поэтому переводчик использовал транскрипцию для передачи реалии. Лексема ‘samovar’ присутствует в английском языке как иностранное слово, но для современного английского реципиента она остается непонятной, и, следовательно, нуждается в объяснении при переводе. То же самое и с лексемой ‘kulebiaka’.

У англоязычного читателя должен сформироваться образ традиционного русского гостеприимства, однако переводчик не снабдил обе реалии описательными комментариями: *Первое, что увидел Лужин, была его теща, помолодевшая, румяная, в великоленном, сверкающем кокошнике. – The first thing Luzhin saw was his mother-in-law, looking much younger, rosy red, and wearing a magnificent, sparkling headdress – a Russian woman's kokoshnik.* В данной ситуации переводчик использовал также прием

добавления с целью описания русского народного головного убора для лучшего понимания иностранным читателем.

В тексте рассматриваемого нами художественного романа проявляется (хотя и гораздо реже) билингвальность автора. Преодолевая лакунарную напряженность, он обращается и к англоязычным культурным реалиям, в том числе, когда в этом нет острой необходимости и перевод может быть дословным: *Открываешь случайную книгу, и, как освобожденная пружина, выскакивает кусочек романа. – Opened a chance book – and like a Jack-in-the-box a passage from a novel would spring up.* В данном случае имеется в виду ассоциация пружины с популярной игрушкой – «Джек в коробочке», которая представляет собой игрушечную фигурку на пружине, выскакивающую из коробки при открытии крышки. Подобное сравнение, использованное в английской версии, придает переводу эффект новизны и сильный описательный характер.

Заключение. Таким образом, сопоставительное изучение русско- и англоязычной версий произведения В.В. Набокова «Защита Лужина» дает основание отметить, что реалии как слова, обозначающие концептуальные понятия, характерные для быта, культуры, социального и исторического развития одного народа, могут быть вариативно представлены при переводе. Реалии представляют собой сгусток национального колорита, который принято нивелировать в переводном художественном тексте, приближая языковую палитру к когнитивным представлениям читателя. Творческое наследие В.В. Набокова в этом смысле является определенным исключением, ибо автор, наоборот, старается актуализировать национальную маркированность переводного текста и достаточно редко переключается на англоязычный культурно-языковой код при переводе лакун.

ОБУЧЕНИЕ ТЕХНИКЕ ЧТЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

*Кузнецова В.А.
Витебск, ВГМУ*

В современном мире расширение международных связей делают иностранные языки очень востребованными в деятельности человека. Из всех видов речевой деятельности на иностранном языке чтение приобретает все более важное значение для эффективного обучения иностранным языкам. Во всем мире констатируется снижение интереса к чтению. У взрослого человека, желающего изучить иностранный язык, мотивация особенно высока. Важно в этот момент не снизить, а наоборот закрепить и увеличить интерес к чтению на иностранном языке, что станет основой для дальнейшего эффективного овладения всеми видами речевой деятельности.